

КИЕВСКИЕ ВЕДЬМЫ

ретротан

тадам Лузина

Меч и Крест

2-е издание

Харьков
ФОНД
2019

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ	9
в которой появляется черный ворон	
ГЛАВА ВТОРАЯ	25
в которой Маша проявляет опасное пристрастие к красоте	
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	38
в которой пути трех героинь неожиданно пересекаются	
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	56
в которой Даша теряет работу, Катя — борова, а Маша — здоровый сон	
ГЛАВА ПЯТАЯ	77
в которой происходит преступление	
ГЛАВА ШЕСТАЯ	96
из которой мы узнаем, что главной особенностью ведьмы является хвост	
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	112
в которой Катя становится очень вежливой	
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	136
в которой Маша безуспешно пытается сосчитать киевские Лысые Горы	
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	156
в которой Даша учится летать	
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	177
где мы знакомимся с Луканькой или Анчуткой	
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ	194
в которой Катя внезапно узнает, что у нее есть муж	

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ	214
в которой Миша и Маша уходят из дома	
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ	238
в которой сбывается пророчество брюнета	
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ	260
в которой Маша посещает сумасшедший дом	
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ	290
состоящая почти из сплошной любви	
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ	305
в которой появляются провалы	
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ	319
повествующая о том, что люди гибнут за металл	
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ	338
в которой Маша встречается с Мефистофелем	
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ	357
в которой мы посещаем кафе Семадени	
ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ	378
в которой Даша Чуб вызывает дух Виктора Васнецова	
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ	400
в которой автор пропагандирует XIX век	
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ	422
в которой Маша понимает цену настоящей любви	
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ	442
в которой нам грозят Апокалипсисом	
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	458
в которой Маша разочаровывается в рыцарях	
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ	477
в которой Булгаков поминается недобрым словом	
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ	508
в которой все горит синим пламенем	
ГЛАВА ПОСЛЕДНЯЯ	521
в которой все оканчивается навсегда и начинается снова...	
ЭПИЛОГ	537
ЛЕГЕНДА О МОЕМ ГОРОДЕ	554

**ГЛАВА ПЕРВАЯ,
в которой появляется черный ворон**

*Если ворон на церкви каркает — быть покойнику.
«Русские народные приметы и поверья»*

В ясный июльский день, незадолго до Ивана Купала, по Андреевскому спуску, вьющемуся змеей на Подол, шла экскурсия иностранных туристов.

Ее возглавляла красавица-экскурсовод — аппетитная, как корзина горячих пирожков, дама непонятного и не важно какого возраста. Ведь — вы согласитесь со мной, не так ли? — какая разница, сколько женщине лет, если пятнадцать мужчин неотрывно смотрят на ее грудь, с трудом отвлекаясь на другие, исторические, ценности.

— O, couleur locale!¹ — вкусно цокнул языком один, щедушный и с д'Артаньяновским носом.

Остальные с готовностью закивали.

Нисколько не смущенная столь пристальным вниманием к двум национальным раритетам, уместившимся в ее деколь-

¹ Местный колорит, местное своеобразие (*франц.*).

те, красавица вдохновенно вещала с той легкостью и непри-
нужденностью, с какой женщины говорят обычно о предме-
тах любовных, модных и светских:

— Посмотрите налево. Перед вами сердце Киева — Ста-
рокиевская гора. Именно здесь братья Кий, Щек и Хорив ос-
новали город, названный в честь старшего брата — Киев, —
столицу древней Руси и мать городов русских!

И голос ее прозвучал столь восторженно и хвастливо,
словно речь шла не о древних князьях, а о предложении руки
и сердца, полученном ею от президента страны не далее чем
вчера вечером.

На небе светили солнце и прозрачная луна, что случалось
в Киеве так часто, что никого особо не удивляло. Вдруг, слов-
но кто-то сверху встряхнул чернильным пером, на небосвод
капнул черный ворон, уселся на ослепительно солнечный
крест Андреевской церкви и издал протяжное и громкое:
«Ка-а-а-а-а!» Красавица, уже успевшая насплетничать тури-
стам об утерянной голове Владимира Великого, украденной
из его могилы на Старокиевской Петром Могилой, мельком
нахмурилась, но продолжала бодро:

— Посмотрите направо: вы видите жемчужину украин-
ского барокко Андреевскую церковь архитектора Бартоломео
Растрелли. Церковь была построена на горе, где, согласно Не-
стор-летописцу, апостол Андрей Первозванный свой крест
как знамение будущего обращения славян в христианство.
Рядом с церковью, в доме № 10 жил художник Михаил Вру-
бель. Тут он написал первый вариант своей знаменитой кар-
тины «Демон», — красавица зачем-то подмигнула.

Переводчик бесцветно перевел сказанное на француз-
ский.

Один из экскурсантов занервничал: правильно ли тот
переводит? Судя по тону красавицы, можно было подумать,
что она только что рассказала им пикантный политический
анекдот.

Ворон закричал в третий раз, сорвался с церкви и поле-
тел на запад. Красавица задумчиво осеклась, провожая его

встревоженным взглядом. И вдруг с невероятным для женщины мастерством спешно зацокала на тонких шпильках по кривым булыжникам Андреевского. Улица резко вильнула влево, потом вправо...

— Смотрим налево, — зачистила экскурсовод, как будто пыталась выплюнуть поскорей внезапно наскучившую ей, остывшую и потерявшую вкус информацию, — это гора Хорива — Хоревица, или Замковая гора. Многие считают ее одной из Лысых Гор Киева. Другие с ними спорят. Смотрим направо. Напротив Лысой Горы стоит дом № 13 — под ним с 1906 по 1913 год жил писатель Михаил Булгаков, увековечивший Андреевский спуск под псевдонимом Алексеевский в своем романе «Белая гвардия». Чуть дальше можно увидеть гору третьего брата — Щекавицу, известную также как Олеговка. На ней похоронен князь Олег, смерть которого была воспета поэтом Александром Сергеевичем Пушкиным в «Песни о вещем Олеге». Как вы могли заметить, Киев состоит из легенд, как панно из мозаики, — литературно красиво закончила она и, остановившись возле дома, отмеченного крайне странной табличкой «Центръ Старокієвскаго колдовства на Подолѣ», улыбнулась сахарно-сладкими зубами. — На этом наша экскурсия заканчивается. Есть вопросы?

Французы кинулись к переводчику и, окружив его, закартавили восклицательно и вопросительно, перебивая друг друга.

— Они спрашивают, можно ли сфотографироваться с вами на память? — безразлично перевел тот.

— Пожалуйста, — ответила красавица вежливо и машинально поправила бюст.

Д'Артаньяны, поняв этот жест без перевода, проворно облепили ее со всех сторон. Переводчик, в кадр не приглашенный, получил в руки фотоаппарат и бесстрастно прицелился.

— Обратите внимание, — объявила экскурсоводша с профессионально повествовательными интонациями в голосе. — Сейчас вы фотографируетесь с главной достопримечательностью нашей нации — украинской женщиной. Еще ваш

соотечественник, французский историк Боплан, путешествуя по дореволюционной Украине, восторженно писал, что только здесь, в особый день года, наперекор всем иным народам не хлопцы сватали девчат, а девчата — хлопцев. И, заметьте, всегда достигали согласия. Им помогают, утверждал он, некие суеверия, которые существуют у украинцев насчет женщин. А никаких суеверий тут нет. Просто... Кстати, вы женаты? — неожиданно заинтересовалась она у близстоящего.

Дослушав перевод, мужчины отлипли от нее столь же быстро, как приклеились минуту назад. Рядом остался лишь один, получивший бесстыжий вопрос, испуганный, но почему-то не убегающий.

— Не бойтесь, *mon ami*¹, я пошутила, — невесело засмеялась странная экскурсоводша и, деловито поправив грудь, зашла в двери «Центра старокієвського колдовства на Подолъ».

* * *

Тем временем ворон, накаркавший беду на маковку Андреевской церкви, успел облететь полгорода, выискивая нечто важное и, судя по всему, редко встречающееся в природе.

Опустившись на подоконник коренастого хрущевского дома неподалеку от остатков Кадетской рощи, ворон внимательно посмотрел в окно и издал резкое предупреждающее: «К-а-rrr!». Хотя стороннему наблюдателю и трудно было понять: что могло привлечь здесь столь важную птицу?

За выкрашенной в оптимистичный васильковый цвет рамой окна угнездилась крохотная шестиметровая кухня, плотно заставленная допотопным совковым гарнитуром «Красная шапочка». На полках у потолка стояли красные в серебряный горох баночки для сыпучих продуктов, столь густо покрытые вязкой кухонной пылью, что становилось понятно: их водрузили туда исключительно для красоты еще в начале 80-х годов, и с тех пор представления здешних хозяев о красоте и о функции баночек несколько не изменились.

¹ Мой друг (*франц.*).

Возле плиты, протянув руку к вопящему о собственной готовности красно-горохастому чайнику, суетилась захлопотанная рыжая женщина лет сорока, явно относившаяся к категории дам, которых Господь лишь по недомыслию не наделил семью руками вместо двух. В зубах у нее был зажат огрызок черного косметического карандаша, обвислый карман халата топорщился от только что снятых бигудей, а энергичное щекастое лицо вызывало ассоциацию с бомбой, отсчитывающей время, оставшееся до неминуемого взрыва. Правой рукой женщина не глядя подхватила орущий чайник и налила в чашку кипяток, левой швырнула туда дешевый чайный пакетик, в то время как оба ее глаза — один кривовато подведенный, другой девственно заспанный — намертво прилипли к экрану маленького телевизора.

«Сегодня ночью, — бодро бубнил телевизор закадровым корреспондентским голосом, — в Куреневском районе прорвало систему водоснабжения. Движение на улице Фрунзе было перекрыто...»

Женщина торопливо подсунула красную в белые горошины чашку сидящей за столом дочери Маше и принялась обрабатывать оставшийся глаз, продолжая коситься на экран.

Дочь, пристроив перед тарелкой обернутую в газету толстую книгу, меланхолично доедала овсяную кашу.

Впрочем, если бы не фирменные самоварные щеки и медно-рыжий цвет волос, заподозрить дочь столь бурнокипящей матери в этой невзрачной барышне было бы практически невозможно. У Маши было лицо аскета, привыкшего к невкусной, но полезной еде и неинтересной, но правильной жизни, круглое, как циферблат часов, которые никуда не спешат и никогда не опаздывают. Безликая прическа в виде пуританской дульки, футболка навывпуск и взглядонепроницаемая юбка до пят точно дополняли образ идеальной ботанички.

Оторвав взгляд от книги, дочь с интересом посмотрела на экран, в надежде увидеть там своего отца. Светящийся живот телевизора пестрел кадрами утренней хроники. Улица Фрунзе, залитая водой, хоровод рабочих у отодвинутого

канализационного люка, в числе которых на секунду мелькнул озабоченный лоб какого-то парня с ярко выраженными восточными чертами, взглянувшего вдруг на Машу в упор черными, как волчьи ягоды, глазами...

«Причины аварии пока неизвестны, — перешел телевизор на трагический тембр, — но жители района охвачены паникой. Некоторые из них до сих пор помнят Курневскую трагедию 13 марта 1961 года, когда потоки жидкой грязи затопили частный сектор. Уровень воды достигал тогда высоты второго этажа. Тысячи жителей погибли».

— Что ж они не говорят, что те, кого их спасти послали, тоже погибли?! — заученно заголосила мать, давно ожидавшая повода запаниковать. — Что ж это делается, а? Ведь и папа наш сейчас там, аварию чинит.

— Кар-р-р-р-р-р, — раскатисто прокомментировал этот факт черный ворон.

— Раскаркался! — еще больше возмутилась женщина и замахала руками, пытаясь прогнать птицу, способную накликать дурное.

— К-рр, — коротко высказал свое мнение о ней тот и полетел прочь.

«А теперь новости культуры, — радостно объявила ведущая новостей на телеэкране. — Сегодня в киевском музее русского искусства откроется выставка...»

— Опять читаешь! — без перехода набросилась мать на Машу. — Что это? Учебник?

Маша сконфуженно взглянула на родительницу — врать она не умела.

— Что? — мгновенно завелась мать. — Опять?! Опять «Мастер и Маргарита»? Сколько можно? Лучше бы предмет повторяла!

— Мама, — тихо отозвалась Маша, без надежды на помилование, — ты же знаешь, я давным-давно все выучила. Я все знаю на «отлично».

— Все знаю... Она все знает! Чего ж ты при этом такая дура! — окончательно взорвалась мама и вдруг жалобно за-